

Каждый раз, когда герцог подносил пальцы ко рту, сухие листья крошились и терлись о влажные соски. Уже ставшие чувствительными к стимуляции соски даже это шершавое ощущение воспринимали странно приятным. Под наплывом жара, струившегося в низ живота, у Руана подогнулись пальцы ног.

Чувствуя возбуждение от предмета, о таком использовании которого он и помыслить не мог за всю жизнь, Руан от стыда покраснел и крепко закусил губу.

Однако герцог не собирался просто наблюдать за Руаном.

— Я повторяю: если ты сам не скажешь, я не смогу понять. Разве не ты подчеркивал, что если не говорить, то возникают недопонимания? Так отвечай.

Кончик пальца герцога провёл по затвердевшему соску Руана. От пронзившего, как электрический разряд, ощущения Руан стиснул губы. Герцог, наблюдавший за этим взглядом с максимально расширенными зрачками, спросил:

— Если я лизну здесь, ты впадешь в течку?

Действительно, Руан сам не раз твердил, что лишь выражение человеческим языком позволяет избежать недопониманий. Решив, что сейчас он не может отмалчиваться, Руан подавил стыд и вынужден был открыть рот.

— Да. Мне нравится.

Где-то на краю сознания мелькнула мысль: «Чем вообще занимался Руан Дэйн, раз у него такая чувствительная грудь?», но как бы то ни было, именно он сейчас обладал этой грудью. И неизменной реальностью оставалось то, что от игры языка герцога ему становилось пугающе хорошо.

Едва ответ Руана прозвучал, герцог склонил голову к его груди, усыпанной кошачьей мятой. И тут же, без тени сокрытия, облизал полностью обнажённые соски Руана и прилипшую к ним кошачью мяту.

Ощущение того, как множество выступов на кошачьем языке шершаво, с нажимом скользят по чувствительной плоти, передавалось совершенно явственно. От леденящего, мурашками бегущего ощущения поясница Руана дёрнулась.

— Хгх!

Герцог, словно не желая упустить даже эту малую возможность, проворно ухватил Руана за талию. Схваченный так, что не мог и пошевелиться, Руан был вынужден терпеть настойчиво обрушивающуюся на грудь стимуляцию.

Как только шершавый язык вновь скользнул по нежной плоти, соски тут же покраснели и припухли. Теперь они были настолько чувствительными, что даже горячее дыхание герцога вызывало лёгкое покалывание. Когда шершавый, но широкий язык скользнул по набухшим соскам, ощущение, балансирующее где-то между нарастающим наслаждением и болью, заставило Руана наморщить лоб и тихонько застонать.

Проведя языком по ареоле и наблюдая за лицом Руана, герцог вновь приблизил рот к соску. Руан, предчувствуя стимуляцию, что до сих пор переходила грань боли, напряг плечи.

И в тот миг, когда он ожидал ощущения, будто с него соскребут плоть, кончик языка, гладкий, без выступов, словно дуновение, скользнул по самому кончику соска.

— Ухг!

От неожиданно мягкого ощущения нога Руана скользнула по простыне. От этого внезапного движения герцог резко вскинул голову и уставился на Руана. Вскоре, видимо убедившись, что это была положительная реакция, он задвигал мягким кончиком языка, лаская грудь. Острый язык ощущал пухлый, набухший сосок, а затем мягко проник в расщелину на его кончике.

— Кх!

От щекощущего ощущения Руан стиснул зубы, и его поясница приподнялась в воздух. Крепче обняв эту поясницу, герцог продолжал нежно ласкать соски и поднял голову лишь тогда, когда все разбросанные на груди травинки исчезли.

— Где тебе ещё нравится?

С глазами хищника, перед которым добыча, герцог приподнял свёрток с кошачьей мятой и задал вопрос. Руан не смог ответить, лишь тихо вздрогнул от горячего дыхания, обрушившегося вместе с этими словами.

Тогда герцог не стал ждать и наклонил свёрток.

— Здесь тоже нравится?

Чуть ниже груди, которую он только что кусал и лизал, на выступающие рёбра посыпались сухие листья. От ощущения лёгких травинок, опускающихся на кожу, ставшую чувствительной из-за пробудившегося желания, Руан предвкусил последующую стимуляцию. От нетерпения во рту пересохло. Он высунул язык, смочил сухие губы и посмотрел на герцога. Тот смотрел на Руана глазами, в которых вместе колыхалось нетерпение и возбуждение.

И вдруг, словно больше не в силах сдерживаться, он наклонил голову. Язык двинулся вслед за рассыпанными по белому телу травинками. От ощущения того, как шершавая плоть тяжело

скользит вверх, будто ощупывая каждую впадину и выпуклость рёбер, Руан крепко вцепился в плечи герцога.

Тот, словно радуясь этому, стал ещё тщательнее исследовать тело Руана, поднимаясь по округлым рёбрам до самого бока. Довольный вкусом, герцог вновь поднял свёрток.

— Когда я лизал тебя раньше, реакция была не такой, — заметил он.

— Тогда это был груминг. А это называется ласка.

— Вот как? Тогда, пожалуй, стоит этому научиться, — тихо пробормотал герцог и, словно добавляя, что он весьма способен к обучению, снова наклонил свёрток.

После боков — к области пупка, затем — к низу живота. Сухие листья рассыпались, словно заранее возвещая, что именно здесь он будет лизать, а следом за ними двигался язык.

И всё это время сверкающие золотые глаза герцога не отрывались от лица Руана. От ощущения, будто его не ласкают, а пожирают, Руан задрожал всем телом.

Действие кошачьей мяты на кошек длится около десяти-пятнадцати минут. Возбуждение, вызванное мятой, уже давно сменилось возбуждением иного рода.

Облизывая живот, герцог, видимо решив, что одежда мешает, в конце концов стянул с Руана и брюки. Потому следующей целью стала область над лобком.

Руан с головокружением наблюдал, как высокородный северный герцог уткнулся лицом в его промежность и водит языком. Упрямо высокий нос вдавливался в пах Руана. И физическая стимуляция, обрушивающаяся на кожу, и визуальная были чрезмерны; казалось, его рассудок вот-вот помутится.

Но вскоре Руан был вынужден резко прийти в себя.

— Здесь...

Он понял, куда направлен взгляд герцога, выскивающего следующую цель. Золотые глаза, в которых особенно выделялись чёрные зрачки, были устремлены на напряжённый, подрагивающий от эрекции член Руана.

Если этим языком лизнуть там...

От одного этого представления стало больно, и Руан резко приподнялся.

— Ваша Светлость. Там нельзя!

Герцог, озадаченно глядя на внезапно переменившегося Руана, спросил:

— Почему?

— Если Ваша Светлость вылизет там языком, я, возможно, умру.

— Почему?

— Э-э... потому что там очень чувствительно...

Герцог, который ещё мгновение назад с самым соблазнительным в мире лицом облизывал пах своего возлюбленного, видимо, превратился за это время в вредного семилетнего ребёнка. Повторяя «почему», он с недовольным видом не сводил глаз с члена Руана, который к этому моменту уже слегка опал.

Когда хищный взгляд впился в его плоть, Руан вновь вспомнил боль, которую сам же только что вообразил, и мелко вздрогнул.

«Нет. Как бы я ни любил его, если он кот — это невозможно».

Но этот вредный семилетний кот явно не собирался так просто отступить... Руан, крепко зажмурившись, сказал:

— Тогда... лучше я сам сделаю это.

— Ты?

— Да. Я.

— Что именно?

— Я вылизу член Вашей Светлости.

Эти слова, похоже, наконец отвлекли внимание герцога, сосредоточенное на пахе Руана, и его взгляд поднялся к его лицу. Тот, встретившись со слегка удивлённым взглядом красивого лица своего возлюбленного, глубоко вдохнул.

«Я ведь не хотел этого делать... размер такой, что челюсть можно вывихнуть...»

Правда, не хотел...

Но в этой ситуации отступить уже было нельзя. Стараясь сохранять спокойствие, Руан наклонился и протянул руку к нижней части тела герцога. И на мгновение замер перед членом огромного размера, раздувшимся так, что казалось, вот-вот порвёт брюки.

Это... Разве его вообще можно брать в рот?

Но терпение герцога, уменьшавшееся прямо пропорционально налитости члена, не позволило долго раздумывать.

— Ты же сказал, что будешь лизать?

— ...Да. Буду.

От голоса, прозвучавшего над головой, Руан в конце концов потянулся к ширинке брюк герцога. Стоило расстегнуть застёжку и спустить бельё, как член, при виде которого невольно возникал вопрос, как вообще такое умещается в одежде, выскочил наружу, пружинисто распрямившись.

От одного взгляда на этот размер его вновь охватило чувство смутения. Почему, собираясь делать минет, он вообще предаётся философским размышлениям? От этой мысли сомнения только усилились.

В конце концов Руан заставил себя перестать думать и, смочив губы языком, решил заняться более продуктивным размышлением. Как, чёрт возьми, засунуть это в рот так, чтобы не порвать губы?

Немного поразмыслив о размере своего рта и прикинув угол, Руан собрался с духом и сделал глубокий вдох.

То ли от его выдоха, коснувшегося члена, то ли от ожидания, но рельефный, словно вырезанный из камня, низ живота герцога дрогнул, пошевелившись. Подумав, что это выглядит по-звериному, Руан открыл рот:

— Ваша Светлость. К слову, это не груминг. Это называется оральный секс.

И тут же склонил голову, приблизив рот к члену герцога.